

Скабичевский Александр Михайлович

**История новейшей русской
литературы 1848-1908 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Михайлович С.**
История новейшей русской литературы 1848-1908 гг / Скабичевский Александр Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 496 с.

ISBN 978-5-519-73717-3

ISBN 978-5-519-73717-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ной дѣятельности и характеръ каждаго періода. Проблески свѣта среди реакціоннаго мрака.	173
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.—I. С. Т. Аксаковъ.—II. Д. В. Григоровичъ.—III. А. Ѳ. Писемскій.—IV. М. В. Авдѣевъ.—V. Н. Д. Хвощинская.	192

III. Беллетристы-народники.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.—I. Преобладаніе беллетристики изъ народнаго быта. Идеалистически-сантиментальное воззрѣніе на народъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Марко-Вовчокъ.—II. Смѣхотворно-отрицательное отношеніе къ народу. Н. В. Успенскій и В. А. Слѣпцовъ.—III. Офіціальное изученіе народнаго быта. С. В. Максимовъ. Г. П. Данилевскій.—IV. П. И. Мельниковъ.—V. Начало объективнаго изученія народнаго быта. П. И. Якушкинъ.	211
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.—I. Беллетристы-народники изъ разночинцевъ и внесеніе ими новаго духа въ изображеніе изъ народнаго быта. Ѳ. М. Рѣшетниковъ и его дѣтство.—II. Юность Рѣшетникова до прѣѣзда въ Петербургъ.—III. Факты послѣдующихъ лѣтъ его жизни. <i>Подлинницы</i> и прочія его сочиненія. IV. А. И. Левитовъ. Факты и обстоятельства его жизни.—V. Сравненіе Левитова съ Рѣшетниковымъ. <i>Степные очерки</i> Левитова.—VI. Характеръ и содержаніе послѣдующихъ его произведеній.—VII. Н. И. Наумовъ. Его жизнь и сочиненія. П. В. Засодимскій	231
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.—I. Г. И. Успенскій и Н. Н. Златовратскій, какъ представители новой и послѣдней фазы беллетристики изъ народнаго быта. Дѣтство и юность Г. И. Успенскаго и неблагоприятныя условія первыхъ десяти лѣтъ его творчества.—II. Общій характеръ творчества Г. И. Успенскаго и характеристика перваго, разночиннаго, періода его дѣятельности.—III. Переходное состояніе и вступленіе во второй періодъ дѣятельности, мужицкій.—IV. Г. И. Успенскій въ качествѣ разрушителя пллюзіи въ воззрѣніяхъ интеллигенціи на народъ.—V. Г. И. Успенскій у источника. <i>Власть земли</i> и значеніе очерковъ, группирующихся вокругъ этого произведенія.—VI. Біографическія свѣдѣнія о Златовратскомъ.—VII. Характеристика сочиненій Златовратскаго и выводимыхъ имъ типовъ.	251

IV. Беллетристы-публицисты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.—I. Беллетристы-публицисты. Ихъ дѣленіе по партіямъ. М. Е. Салтыковъ, какъ представитель демократической партіи. Дѣтскіе годы его и воспитаніе.—II. <i>Семья</i> .—III. Возвращеніе, служба, женитьба и редакторская дѣятельность.—IV. <i>Черты</i> его характера. Послѣдующіе годы и смерть. V. Первый, дореформенный, характеръ его литературной дѣятельности. <i>Губернскіе очерки</i> .—VI. Второй періодъ, современный реформамъ. <i>Помпадуръ и помпадурши. Исторія одного города</i> .—VII. Третій періодъ—пореформенный—шестидесятыя и семидесятыя годы. <i>Ташкентцы. Дневникъ провинціала. Голубевы</i> .—VIII. Трагическій элементъ въ позднѣйшихъ сатирахъ Салтыкова.—IX. Четвертый періодъ—восьмидесятыя годовъ. <i>Мелочи жизни. Сказки. Пошехонская старина</i> .	272
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.—I. Н. Г. Помяловскій. Его дѣтство, воспитаніе и семинарскіе годы.—II. Остальные годы его жизни.—III. Характеристика его сочиненій: <i>Очерки бурсы, Мясцанское счастье, Молотовъ. Братъ и сестра. Портячки</i> .—IV. Возникновеніе идеалистической школы беллетристики <i>Русскаго Слова</i> , причины ея развитія и особенности ея. А. К. Шеллеръ. Главные факты его жизни.—V. Характеристика его произведеній.—VI. П. Ѳ. Вазинъ. И. В. Ѳедоровъ (Омелевскій).—VII. К. М. Станюковичъ. Д. К. Гирсъ. Н. А. Куцевскій	300

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.—I. Общая характеристика тенденціозной беллетристики либеральнаго лагеря. II. Д. Боборыкинъ. — П. Е. Л. Марковъ. — III. Вас. Н. Нежновичъ-Данченко. — IV. С. Н. Терпигоревъ. И. А. Саловъ. — V. Н. Д. Ахшарумовъ. Н. А. Лейкинъ	316
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. — I. Общая характеристика реакціонной беллетристики и ея шаблоны. — II. В. П. Ключниковъ. — III. Н. С. Тьсковъ. — IV. В. В. Крестовскій. — V. Болеславъ Мих. Маркевичъ. В. Г. Авсѣенко	330

V. Историческая беллетристика.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.—I. Два періода историческаго романа въ Россіи. Характеристика перваго періода. Движеніе историографіи въ шестидесятые годы. — II. Историческіе повѣсти и романы Н. П. Костомарова. — III. <i>Князь Серебряный</i> А. К. Толстого. <i>Война и миръ</i> Л. Н. Толстого. <i>Два портрета</i> И. С. Тургенева. <i>Старые годы</i> П. П. Мельникова. Историческіе романы Г. П. Данилевскаго и Д. Л. Мордовцева. — IV. Романы Е. А. Салиаса де-Турнемиръ. Характеристика лубочнаго историческаго романа и представитель его В. С. Соловьевъ	341
--	-----

VI. Беллетристы восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. — I. Новая беллетристическая школа, вызванная реакціею семидесятыхъ годовъ, и ея особенности. — II. А. О. Новодворскій. — III. Біографическія свѣдѣнія о жизни В. М. Гаршина. — IV. Характеристика его произведеній. — V. А. П. Чеховъ. — VI. М. Н. Альбовъ. — VII. К. С. Баранцевичъ. — Н. Е. Петропавловскій (<i>Каролинъ</i>)	353
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.—I. В. Г. Короленко. Его біографія. — II. Произведенія В. Г. Короленко. — III. П. Н. Потапенко. Д. Н. Маминъ	371
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. — I. Беллетристы 90-хъ годовъ. А. М. Пышковъ (М. Горькій). Біографическія свѣдѣнія о немъ. — II. Характеристика его произведеній. — III. В. В. Смидовскій (Вересаевъ). С. Я. Елпатьевскій. Л. Н. Андреевъ. А. П. Купринъ и пр. — IV. Женщины-писательницы: С. И. Смирнова. О. А. Шапиръ. М. В. Крестовская. Л. П. Веселитская (Микulichъ). А. С. Монтвидъ (Шабельская) и пр.	378

VII. Драма и комедія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.—I. А. Н. Островскій, какъ создатель русской сцены. Дѣтство и юность его. — II. Начало литературной дѣятельности и первый періодъ ея до эпохи реформъ. — III. Факты послѣдующихъ лѣтъ его жизни: недостатокъ матеріальныхъ средствъ и несправедливости. Улучшеніе его положенія въ послѣдніе годы жизни. — IV. Общая характеристика пьесъ Островскаго: ихъ образцовая реальность, классическая простота и жизнерадостность. — V. Разносторонность точекъ зрѣнія Островскаго на жизнь и сложность изображаемыхъ явленій. Отсутствіе односторонняго увлеченія какой-либо доктринной и слабость славянофильскаго вліянія въ пятидесятые годы. — VI. Глубокое проникновеніе демократическимъ духомъ времени и отраженіе этого духа въ пьесахъ перваго періода: <i>Не въ свои саки не садись</i> , <i>Вѣдноты не порокъ</i> . Драма <i>Не такъ живи, какъ хочется</i> , какъ апогей славянофильскихъ вліяній.	387
ВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.—I. Переломъ въ творчествѣ Островскаго съ наступленіемъ эпохи реформъ и увлеченіе прогрессивными идеями. Значеніе пьесъ: <i>Въ чужомъ лиру похмѣлье</i> и <i>Не все коту мас-</i>	

жизни, какъ похорошъ самодурства. Драма *Гроза* и противовѣсь ей съ драмою *Не такъ живи, какъ хочешь*. — II. Общее резюме всего выше сказаннаго. Положительные типы Островскаго — III. Отрицательные типы. Универсальность изображенія русской жизни. Богатство языка. — IV. Драматическая дѣятельность Н. С. Тургенева и А. Ф. Писемскаго. Трилогія А. К. Толстого. А. Н. Пальмъ. А. А. Потѣхинъ. — V. А. В. Сухово-Кобылинъ. Н. Е. Чернышевъ. Н. Я. Соловьевъ. В. А. Крловъ. Д. В. Аверкиевъ и пр.

406

VIII. Поэзія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. I. Дѣтство и юность Н. А. Некрасова. — II. Послѣдующіе факты его жизни. — III. Два элемента творчества Некрасова. Характеръ рефлексивнаго элемента. — IV. Характеръ разночленно-пароднаго элемента. — V. Присутствіе обоихъ элементовъ въ стихотвореніяхъ изъ народнаго быта. Общій выводъ	419
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. — I. Біографическія свѣдѣнія о жизни Т. Г. Шевченко. — II. Характеристика его произведеній. — III. Н. С. Никитинъ. Н. З. Суриковъ. С. Д. Дрожжинъ. — IV. А. Н. Плещеевъ. Н. Ф. Якубовичъ. (Л. Мельшицъ). — V. Развѣтѣ и процвѣтаніе въ шестидесятые годы сатирической поэзіи. Кузьма Прутковъ и А. М. Жемчужниковъ. В. С. Курочкинъ и его <i>Искра</i> . Д. Д. Минаевъ	436
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. — I. Школа поэтовъ чистаго искусства. А. К. Толстой. Факты его жизни. — II. Характеристика его произведеній. — III. А. Н. Майковъ. — IV. А. А. Шейнинъ (Фетъ). — V. Ф. И. Тютчевъ. Я. П. Полонскій. — VI. Л. А. Мей. Н. Ф. Щербина. — VII. Поэты-переводчики: Н. В. Гербель. Н. Н. Вейнбергъ. М. И. Михайловъ	458
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. — I. Характеристика новыхъ скорбныхъ поэтовъ. С. Я. Надсонъ. Факты его жизни. — II. Причина его популярности. Его нравственная физіономія, характеръ и духъ его произведеній. С. Г. Фругъ. — III. Н. М. Минскій. — IV. Д. С. Мережковскій. Новѣйшіе поэты чистаго искусства: А. Н. Апухтинъ. К. М. Фофановъ. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. С. А. Андреевскій	476
Алфавитный указатель	485

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Установленіе границъ послѣдняго періода нашей литературы.—II. Картина старыхъ литературныхъ нравовъ.—III. Московскіе философскіе кружки тридцатыхъ годовъ и внесеніе ими новыхъ литературныхъ нравовъ.—IV. Типъ умственнаго развитія стараго періода.—V. Новый типъ умственнаго развитія.—VI. Народность, какъ основныя идея новаго періода литературы.

I.

Литературный періодъ, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло въ этой книгѣ, считается гоголевскимъ; прямо и непосредственно ведутъ его отъ Гоголя, который, произведя полный переворотъ въ нашей беллетристикѣ и создавши «натуральную школу», устремилъ русскую литературу на новый путь, по которому она идетъ, будто-бы, и донынѣ.

Мнѣніе это возникло вполне естественно. Когда произведенія Гоголя привлекли всеобщее вниманіе, и молодежь, подъ влияніемъ Бѣлинскаго, зачитывалась ими, въ числѣ ея находились и тѣ будущіе писатели, которые явились на литературное поприще въ теченіе сороковыхъ годовъ. То новое, что эти писатели впоследствии внесли въ нашу литературу, конечно, въ то время еще не существовало, и никто его не предвидѣлъ. Произведенія Гоголя представлялись послѣднимъ словомъ литературы. Образы ихъ потрясали юныя сердца своею геніальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительною отрицательностью вполне гармонировали съ мрачнымъ колоритомъ времени. Въ то же время Бѣлинскій не переставалъ твердить, что съ Гоголя начинается новая эпоха нашей литературы, рѣшительный ея поворотъ на путь натурализма. И вотъ молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ привыкло смотрѣть на Гоголя, какъ на своего учителя, которому оно обязано всѣмъ литературнымъ достояніемъ.

Но если мы постараемся уяснить себѣ болѣе точно и опредѣленно, чѣмъ же собственно писатели сороковыхъ годовъ и послѣдующихъ были обязаны Гоголю, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что влияние Гоголя на послѣдующую литературу далеко не было такимъ всеобъемлющимъ, какъ мы привыкли думать.

Если мы будемъ считать Гоголя родоначальникомъ послѣдующей литературы съ одной эстетической точки зрѣнія, то и такое мнѣніе крайне условно. Натурализмъ явился въ русской литературѣ вовсе не въ видѣ *coup d'état*, внезапнаго открытія, принадлежащаго исключительно одному Гоголю. Это не воинственный завоеватель, вторгшійся Богъ вѣсть откуда и разомъ все перевернувшій кверху дномъ, а мирный колонизаторъ, постепенно, мед-

ленно и незамѣтно прокрадывавшійся въ нашу литературу въ продолженіе всей первой половины нынѣшняго столѣтія, и притомъ, собственно говоря, не въ одну нашу, а и во все европейскія. Всюду на знамени романтизма, красовалось слово «народность», и эта именно народность, въ связи съ различными демократическими влеченіями, и обратила вниманіе читателей на жизнь маленькихъ людей, составляющихъ народныя массы, что и привело все литературы къ натурализму.

Замѣчательно, что и Бѣлинскій, въ послѣднемъ своемъ обзорѣ *), первые задатки натурализма видитъ уже въ Кантемирѣ, Фонвизинѣ, Крыловѣ, а тѣмъ болѣе въ Пушкинѣ.

«Наконецъ, — говоритъ онъ, — явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Въ ней слились въ одинъ широкій потокъ оба (идеальный и реальный), до того текшіе отдѣльно, ручьи русской поэзіи. Русское ухо услышало въ ея сложномъ аккордѣ и чисто русскіе звуки. Несмотря на преимущественно идеальныя и лирическія характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной, что доказывается смѣлостью, въ то время удивительною всѣхъ, ввести въ поэмъ не классическихъ италіанскихъ или испанскихъ, а русскихъ разбойниковъ, не съ книжками и пистолетами, а съ широкими жоками и тяжелыми кистенями, и заставить одного изъ нихъ говорить въ бреду про кнутъ и грозныхъ палачей. Цыганскій таборъ съ оборванными шатрами между колесами телегъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтьми въ перекинутыхъ корзинкахъ на осяхъ, были тоже неслыханною дотошъ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ „Евгеніи Онегинѣ“ идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, то и другое до того слилось въ что-то новое, среднее между тѣмъ и другимъ, что поэма эта должна по справедливости считаться произведеніемъ, положившимъ начало поэзіи нашего времени. Тутъ уже натурализмъ является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ строгое воспроизведеніе дѣйствительности со всеми ея добротами и зломъ, со всеми ея житейскими дрякками; около двухъ или трехъ лицъ, опознанныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на посѣщеніе, какъ уроды, какъ исключенія изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами!»

«Что же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ? Онъ всеми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностью — къ натуральности. Вспомните романы и повѣсти Нарѣжнаго, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Поленова, Погодина. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, кто изъ нихъ болѣе сдѣлалъ, чей талантъ былъ выше: мы говоримъ объ общемъ или общемъ стремленіи — сближеніи романа съ дѣйствительностью, сдѣлать его вѣрнымъ ее зеркаломъ».

Такимъ образомъ Гоголь является вовсе не однимъ изъ тѣхъ новаторовъ, которые вводятъ нѣчто совершенно до нихъ небывалое. Онъ повиновался лишь общему теченію развитія современной ему литературы и представляетъ одну изъ ступеней ея спуска изъ заоблачныхъ высотъ на почву дѣйствительности. Послѣдующіе же литераторы отнюдь не остановились на этой ступени, а пошли далѣе и создали новую эпоху въ нашей литературѣ, внеся въ нее нѣчто такое, о чемъ Гоголь лишь смутно гадалъ и что ему рѣшительно не давалось по скудости его образованія.

Дѣло въ томъ, что гениальная мѣткость, съ которою осмѣивалъ Гоголь все, что было въ его время наиболѣе пошлаго и грязнаго на Руси, была вполне инстинктивна, и произведенія Гоголя поражаютъ отсутствіемъ какихъ-либо сознательныхъ идеаловъ, во имя которыхъ осмѣивалась дѣйствительность. Это смущало постоянно самого Гоголя, заставляя его прибѣгать къ разнымъ натянутымъ объясненіямъ внутреннихъ пружинъ своего смѣха, въ родѣ «незримыхъ міру слезъ», или «страха грядущаго закона». Нако-

*) Взглядъ на русскую литературу 1847 г., кн. XI, стр. 338—340. Изд. 1883 г.

нецъ въ *Исповѣди* своей онъ самъ признался откровенно, что своимъ смѣхомъ онъ просто-на-просто лѣчился отъ тоски, ему самому необъяснимой, и, чтобы развлекать себя, придумывалъ все смѣшное, что только могъ выдумать, *вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выидетъ какая польза.* Лишь приступивши къ *Мертвымъ Душамъ*, Гоголь впервые началъ задумываться объ этомъ. Результатъ подобнаго законнаго стремленія осмыслить свой смѣхъ, найти для него разумныя основанія былъ, какъ извѣстно, очень печаленъ для Гоголя: вслѣдствіе крайней скудости философскаго образованія, Гоголь началъ добиваться осмысленія своего творчества не путемъ усвоенія передовыхъ европейскихъ идей своего вѣка, а религиозно-нравственнымъ самоуглубленіемъ, и запутался въ лабиринтъ мистико-аскетическихъ умствованій.

Отношеніе же послѣдующихъ писателей къ русской дѣйствительности отнюдь не носитъ характера художественной безцѣльности. Напротивъ того, они съ первыхъ же шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ начали анализировать жизнь на основаніи вполне сознательныхъ и опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ, которые были внушены имъ передовымъ движеніемъ вѣка. Принимая все это въ соображеніе, мы считаемъ себя вполне въ правѣ утверждать, что Гоголь не начинаетъ новаго періода нашей литературы, а завершаетъ старый. Этотъ старый періодъ преслѣдовалъ двѣ великія цѣли: съ одной стороны, выработку литературнаго языка и формъ; съ другой, переходъ литературы съ почвы подражательности, риторичности и отвлеченности на почву народности, самобытности и реализма. Гоголь довершилъ эту вѣковую работу. Послѣ него осталась литература съ прекрасно-выработаннымъ языкомъ, стихотворнымъ и прозаическимъ, вполне реальная и самостоятельная. Недоставало этой литературѣ лишь одного, чтобы быть въ истинномъ смыслѣ этого слова европейскою: осмысленнаго, идейнаго содержанія, которое могло бы поставить ее впереди своего времени. Этимъ и объясняется, почему Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь въ переводахъ на иностранные языки, поражая европейскихъ читателей своею гениальностью, въ то же время далеко не въ такой степени удовлетворили и увлекали, чтобы кому-либо пришло въ голову ставить ихъ во главѣ европейскаго движенія, какъ ставились нѣкогда Шиллеръ, Гете, Байронъ, вполнѣдствіи Диккенсъ, Теккерей, В. Гюго, Ж. Зандъ, Бальзакъ, а нынѣ ставятся русскіе писатели—Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій. На вышеозначенныхъ классиковъ нашихъ смотрѣли, какъ на писателей, при всей ихъ гениальности, мѣстныхъ, любопытныхъ, какъ первые проблески только что начинавшагося пробуждаться русскаго національнаго генія. Людямъ, не предубѣжденнымъ противъ Россіи и всего русскаго, могли нравиться въ этихъ гениальныхъ проблескахъ неподдѣльная и горячая любовь къ родинѣ, кристальная нравственная свѣжесть и цѣльность, отсутствіе малѣйшей лжи, фальши, напыщенной риторики, идеально-честное, подвижнически-бережное отношеніе къ каждому произносимому слову. Но не находили европейцы одного въ произведеніяхъ русскихъ классиковъ, для нихъ самаго главнаго: тѣхъ великихъ идей и роковыхъ вопросовъ жизни, какіе волновали Европу, а гдѣ и встрѣчались кое-какіе намеки на эти идеи, отношеніе къ нимъ поражало или дѣтскою незрѣлостью, или легкостью поверхностнаго дилетантизма.

Мы нисколько не ставимъ въ вину этого недостатка нашимъ классикамъ тридцатыхъ годовъ. Онъ нисколько не мѣшалъ имъ стоять во главѣ рус-

скаго общества; имѣть большое образовательное вліяніе на массу русскихъ читателей, младенчески-чуждыхъ всякаго умственного развитія и образованія и еще болѣе далекихъ отъ европейскаго движенія идей. Наконецъ, никогда потомство не забудетъ той великой и неоцѣненной заслуги, какую оказали эти литературные корифеи, создавъ литературный языкъ, формы и, наконецъ, поставивши литературу на почву самобытности и реальности. Однимъ словомъ, они завѣщали своему потомству великолѣпный инструментъ, отлично приспособленный для разыгрыванія на немъ какихъ угодно величественныхъ и глубокомысленныхъ классическихъ симфоній. Недоставало только музыкантовъ, которые были бы способны умѣло и разумно воспользоваться этимъ инструментомъ. Музыканты эти не замедлили явиться, и съ нихъ-то собственно и начинается совершенно новая эпоха въ нашей литературѣ.

II.

И дѣйствительно, передъ нами является эпоха до такой степени новая, представляющая такой полный переворотъ во всѣхъ литературныхъ сферахъ, что мы видимъ полное измѣненіе самихъ литературныхъ нравовъ.

Старые литературные нравы отражали до извѣстной степени патріархальныя понятія, господствовавшія въ обществѣ нашемъ въ XVIII и до половины XIX столѣтій. Вплоть до пятидесятихъ годовъ въ литературномъ мірѣ существовала своя табель о рангахъ, свое мѣстничество и ревнивое чинопочитаніе. Во главѣ литературы господствовалъ особеннаго рода Олимпъ, на которомъ воссѣдали, въ видѣ литературныхъ боговъ, писатели первой величины, каждый со своей свитой. Затѣмъ слѣдовали писатели второстепенные, третъестепенные и т. д., вплоть до журнальнаго плебея, пресмыкающагося въ самомъ низу, пишущаго ради презрѣнныхъ денегъ, корыстныхъ барышей, и чуждаго поэтому того высшаго литературнаго благородства и безкорыстія, которыя казались свойственны лишь особаго рода избранникамъ.

Но съ презрѣніемъ смотря на честно заработанныя литературнымъ трудомъ деньги, олимпійцы въ то же время были очень падки на подачки свыше. Всѣ они, вплоть до Гоголя включительно, усорно держались стараго покровительственнаго режима, и поэтому старались вращаться въ великосвѣтскихъ кругахъ, проникать по возможности въ придворныя сферы и всячески заискивать у сильныхъ міра, добываясь то пенсін, то уплаты долговъ, то какой-либо льготы. Это обязывало, и олимпійцы лишь къ маленькимъ смертнымъ попіяли:

«Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?»

Что же касается меценатовъ, то, конечно, къ нимъ подобныя гордые восклицанія не могли относиться. Напротивъ того, приходилось быть тише воды, ниже травы.

Въ литературномъ отношеніи олимпійцы составляли особенное общество, негласное и неорганизованное, но все-таки представлявшее изъ себя нѣчто въ родѣ академіи изящной словесности. Всѣ они были связаны другъ съ другомъ узами болѣе или менѣе короткой дружбы. Старшіе покровительствовали младшимъ, поощряли ихъ и споспѣшествовали ихъ успѣхамъ муд-

рыми старческими совѣтами, оказывали имъ протекціи въ высшихъ сферахъ; младшіе благоговѣли передъ старшими, поклонялись имъ, внимали ихъ наставленіямъ и ликовали, когда старшіе приобщали ихъ къ своему олимпійскому сонму. И дѣйствительно, тутъ было изъ-за чего ликовать: пока олимпійцы не приближали къ себѣ писателя и не возвышали до себя, нечего было и думать попасть въ число олимпійцевъ. Журналы могли сколько угодно расхваливать какого-нибудь своего любимца и признавать въ немъ хотя всемірнаго генія, какъ, напримѣръ, Сенковский сдѣлалъ это съ Кукольникомъ. Писатели въ родѣ Загоскина и Марлинскаго могли приобрести самую огромную популярность, но всего этого было недостаточно, чтобы писатель становился въ глазахъ публики олимпійцемъ, пока послѣдніе сами не провозглашали его своимъ. И наоборотъ, разъ избранникъ удостоивался этой чести, никакіе критическіе перуны не могли поколебать его репутаціи: олимпіецъ былъ неуязвимъ. Надеждинъ могъ писать какіе угодно злые памфлеты на Пушкина: на Гоголя могла ополчиться цѣлая рать критиковъ, начиная съ братьевъ Полевыхъ и кончая Сенковскимъ и Булгаринымъ, это нисколько не вело къ уменьшенію литературнаго величія Пушкина или Гоголя.

Нельзя сказать, чтобы въ литературѣ того времени не было направлений, лагерей, партій, стремившихся проводить тѣ или другіе литературныя принципы и вступавшихъ изъ за нихъ въ ожесточенную борьбу. Такъ карамзинисты боролись съ шишковцами, романтики—съ классиками. Но вся эта борьба велась преимущественно въ средѣ журнальнаго плебса. Олимпійцы если принимали въ ней участіе, то лишь въ молодые годы, платя дань юности; впоследствии же, съ лѣтами, они обыкновенно каялись въ своихъ полемическихъ подвигахъ, какъ въ грѣхахъ молодости, и все болѣе и болѣе замыкались въ гордыхъ снѣжныхъ вершинахъ своего недоступнаго Олимпа. Одинъ только Пушкинъ, слишкомъ живой и горячій для такой замкнутости, постоянно нарушалъ святость Олимпа, то раздражался злою эпиграммою на Булгарина или Надеждина, то вдругъ предпринималъ изданіе *Современника*, т. е. рѣшившись вмѣшаться въ толпу журнальной черни, хотя, по правдѣ сказать, журналъ вышелъ вполне олимпійскій, какъ по своей великосвѣтской чопорности и сухости, такъ и по самой цѣли «возвратить критику снова въ руки малаго избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики».

Въ этой цѣли *Современника* мы видимъ стремленіе олимпійцевъ снова взять въ свои руки критическое законодательство, которое нѣкогда главнымъ образомъ сосредоточивалось на Олимпѣ, въ тридцатые же годы начало замѣтно высказываться изъ рукъ его небожителей. По послѣдніе не подозрѣвали, что часъ ихъ пробилъ. Они ратовали главнымъ образомъ противъ той безпутной, пристрастной и гаерской критики, которая воцарилась тогда въ петербургской журналистикѣ и преимущественно на страницахъ *Библиотеки для Чтенія*, но въ то же время и не замѣчали, какъ росла огромная сила, готовившаяся упразднить ихъ гордый Олимпъ, и росла эта сила въ тѣхъ самыхъ утлыхъ и жалкихъ по внѣшнему виду московскихъ журнальчикахъ, каковы были *Телескопъ* и *Молва*, о которыхъ Гоголь въ своей передовой критической статьѣ въ № 1 *Современника* (*О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ*) отзывался съ чисто олимпійскимъ пренебреженіемъ.

III.

Эта новая грядущая сила представлялась въ теченіе тридцатыхъ годовъ въ видѣ никому невѣдомыхъ трехъ философскихъ кружковъ молодежи: кружка Герцена, Станкевича и Кирѣевскихъ. Кружки эти то сходились, то расходились между собою и, наконецъ, къ началу сороковыхъ годовъ слились въ два окончательно сплотившихся лагеря—петербургскій лагерь западниковъ, группировавшійся вокругъ Бѣлинскаго, и лагерь московскихъ славянофиловъ, во главѣ которыхъ стояли братья Кирѣевскій, Аксаковы и Хомяковъ.

Кружки эти, собственно говоря, и не думали враждовать съ олимпійцами, подкапываться подъ ихъ авторитетъ. Напротивъ того, критики ихъ относились съ большимъ уваженіемъ къ корифеямъ русской литературы, особенно къ Пушкину и Гоголю. Послѣдній, какъ мы выше говорили, былъ поставленъ даже во главѣ новаго литературнаго движенія. Но самымъ своимъ существованіемъ кружки подвораля совершенно новые и небывалые въ литературѣ порядки. Они вполне уподоблялись тѣмъ молодымъ побѣгамъ, которые растутъ сами по себѣ, не ломая и не уничтожая старыхъ сучьевъ, но въ то же время невольно, въ силу своей молодой энергіи, стягиваютъ къ себѣ всѣ соки дерева, и старымъ сучьямъ остается только сохнуть и отпадать отъ ствола. Такъ точно и новые литературные кружки начали притягивать къ себѣ всѣ молодыя силы. Начиная съ сороковыхъ годовъ, всѣ вновь появившіеся сильные таланты (а какъ много появилось ихъ въ теченіе сороковыхъ годовъ) уже не заискиваютъ знакомства у оставшихся въ живыхъ олимпійцевъ: Жуковского, Крылова, Гоголя,—не стремятся сблизиться съ ними, не нуждаются въ ихъ совѣтахъ, не добиваются отъ нихъ посвященія въ олимпійцы, а лишь при встрѣчахъ издали наблюдаютъ ихъ, какъ оставшіеся еще въ живыхъ рѣдкіе экземпляры вымирающей породы, въ родѣ какихъ-нибудь зубровъ Бѣловѣжской пуши—и между тѣмъ какъ эти зубры сходятъ одинъ за другимъ въ могилы, молодые писатели ищутъ литературныхъ связей въ сближеніи съ представителями тѣхъ или другихъ журнальных кружковъ. вмѣсто прежняго іерархическаго порядка, литературный міръ начинаетъ представлять собою теперь федерацію литературныхъ лагерей. Литературныя силы группируются вокругъ журналовъ, которые стремятся быть не одними уже альбомами пернотопенныхъ произведеній или сборниками энциклопедическихъ свѣдѣній, а проводятъ то или другое направленіе. Замѣчательно, что и публика съ своей стороны, начинаетъ требовать отъ журналовъ *направленія*: по крайней мѣрѣ журналы безъ направленія или съ направленіемъ непопулярнымъ теряютъ возможность имѣть много подписчиковъ, какіе бы беллетристическіе шедевры ни помещали они на своихъ страницахъ. Такъ, послѣ смерти Пушкина, печально влиչилъ существованіе безжизненный и вялый *Современникъ* подъ редакціею Плетнева и, конечно, постепенно угасъ бы, если бы Некрасовъ въ 1847 году не взялъ его въ свои руки. *Библіотека для Чтенія*, послѣ своего эфемернаго успѣха въ тридцатыхъ годахъ, въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ существовала на счетъ горсти привычныхъ подписчиковъ, которые съ каждымъ годомъ отставали одинъ за другимъ. *Отечественныя Записки* первенствовали въ продолженіе всѣхъ сороковыхъ годовъ, благодаря тому, что вокругъ этого журнала группировался наиболѣе вліятельный